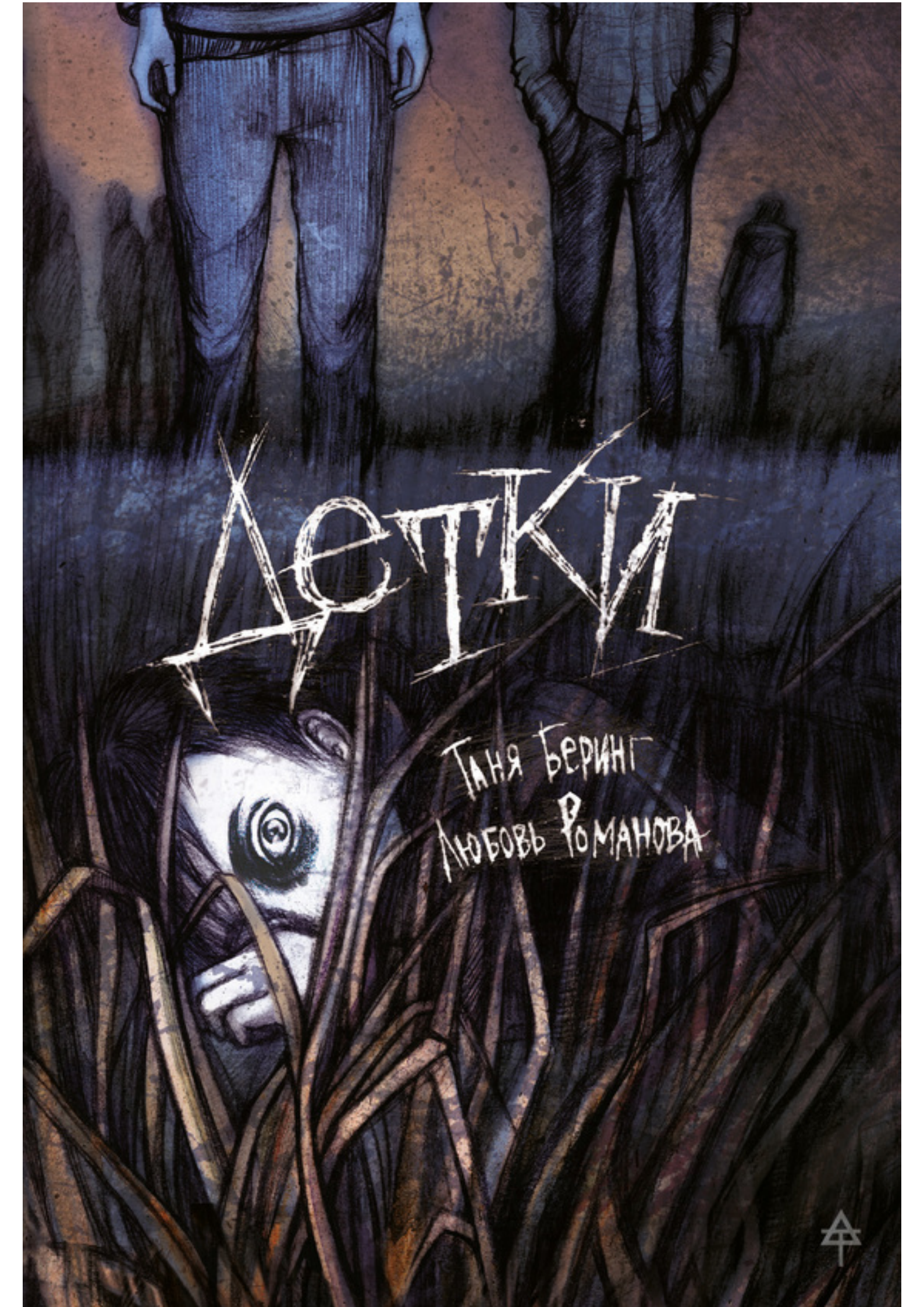

The book cover features a dark, moody illustration. In the foreground, a person's face is partially visible, looking through tall, dark grass. The person's eye is wide and staring, with a spiral pattern in the iris. In the background, the lower legs and feet of several people are visible, suggesting a crowd or a group of people walking. The overall color palette is dark, with shades of blue, purple, and brown.

Детки

Таня Беринг
Любовь Романова

Любовь Романова
Детки (сборник)

Издательство «БерИнга»

2014

УДК 821-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Романова Л. В.

Детки (сборник) / Л. В. Романова — Издательство
«БерИнга», 2014

Тот, кто называет школьные годы самым безоблачным временем в своей жизни, либо врет, либо страдает расстройством памяти. Авторы этой книги не собираются вводить вас в заблуждение. «Детки»-это три остросюжетных истории, которые сложно назвать безоблачными. Каждая из них основана на реальных событиях из жизни подростков. Правдивых, порой, жестоких и одновременно захватывающих. Это стоит прочитать. Точнее, это нельзя не прочесть. В формате pdf A4 сохранен издательский дизайн.

УДК 821-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Романова Л. В., 2014
© Издательство «БерИнга», 2014

Содержание

Предисловие	7
Любовь Романова	8
Таня Беринг	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Детки (сборник)

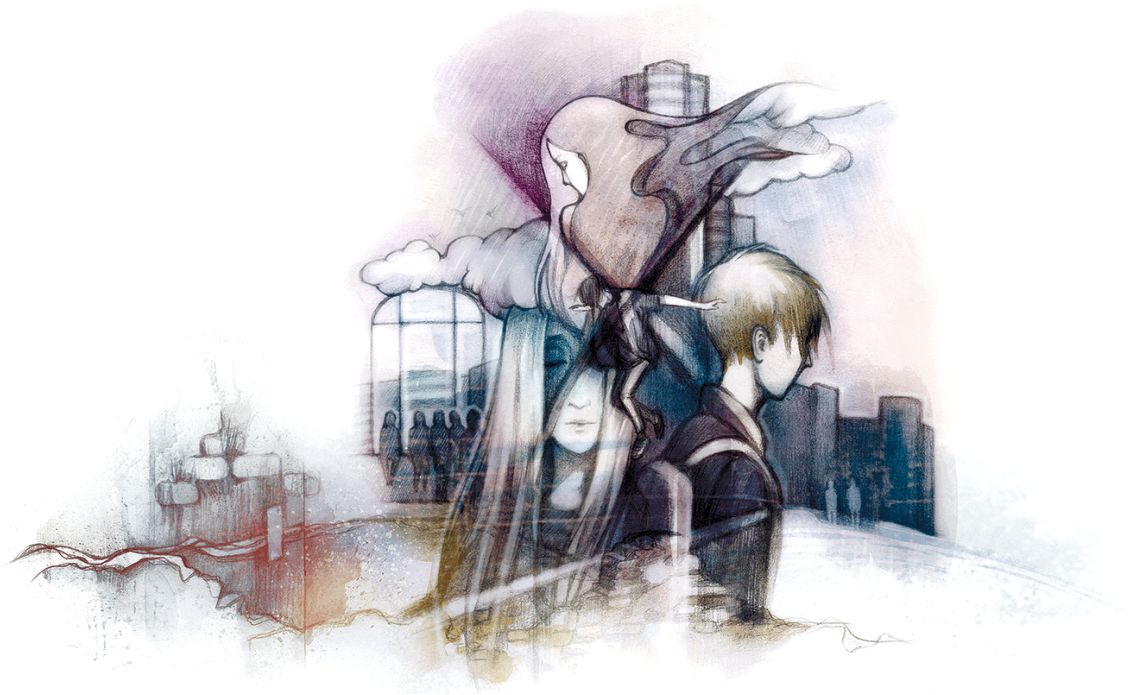
© Тая Беринг, 2014

© Любoвь Романова, 2014

© Мария Гаранина (Alice Traum), 2014

© Издательство «БерИнгА», 2014

* * *

Предисловие

Если ты не читаешь ничего, кроме статусов «ВКонтакте» и бесконечных саг о юных волшебниках, закрой эту книгу. Она не для тебя. В ней нет девочек со сверхспособностями, влюблённых вампиров, ручных драконов, древних пророчеств и ужасных злодеев, имя-которых-не-стоит-называть-даже-шёпотом.

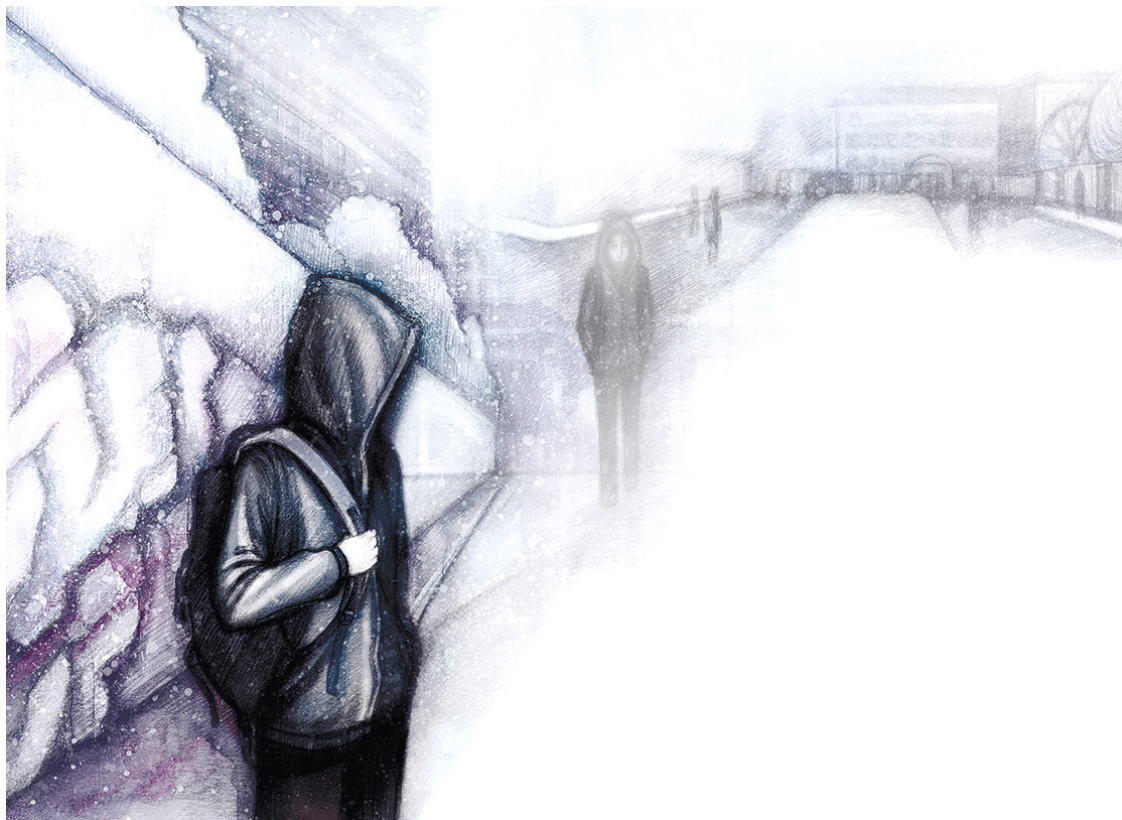
Тут не найти душещипательных историй о первой любви и юмора в духе американских ситкомов...

Эй, ты еще читаешь?

Хм! Неужели дела обстоят не так безнадежно, как нам казалось? Неужели тебе хватит терпения осилить все три истории, рассказанные в этой книге? Осилить, понять и, быть может, узнать себя в её героях? Если это произойдёт, спорим на наш гонорар, ты не сможешь жить как прежде!

Ведь «Детки» – это зеркало нашей реальности. Злое, едкое, местами жестокое. И только тебе решать, заглядывать в него или нет!

Таня Беринг&Любовь Романова

Любовь Романова

Мы приговариваем тебя к смерти

Я не пошел на его похороны. Нужно было готовиться к лабораторной по химии. Событие не бог весть какой важности, но заваливать не хотелось. К чему? Ему все равно, а мне еще поступать. Поэтому я быстро оделся и вышел из гимназии.

К крыльцу подрулил ПАЗик с рекламой ритуальных услуг на боку. Наверное, привезли тело. На два часа в вестибюле было назначено прощание. К дверям уже подтягивался народ. Пожилая математичка в лиловом берете повторяла, как игрушка с подсевшей батареей:

– Наркотики – вот бич молодежи. Колют, а потом вены режут.

Помада на ее губах лежала перламутровыми струпьями.

– Так, вроде, он того... повесился! – фраза физрука показалась неуместной. Даже более неуместной, чем жужжание лилового берета. К счастью, она тут же смешалась со скорбным шепотом.

– Несчастные родители.

– Единственный сын.

– Господи, Господи.

– Интересно, а язык вывалился? – чуть поодаль толпились парни из нашего класса. Они затягивались тайком от учителей и, по-птичьи щурясь, выдыхали дым за спинами друг у друга. Кажется, это спросил Дрон.

– Ага, помнишь, историк рассказывал, что, когда царя Павла задушили, его язык почернел и во рту не помещался, – ответил ему Леня, ловко сплевывая в грязный снег. – Типа отрезать пришлось. Чтобы народ не пугать.

Я не стал дослушивать. Прошел мимо.

* * *

Дрон достал из портфеля мутную бутылку. Открутил крышку и вылил содержимое на стул соседней парты. В нос ударил запах подсолнечного масла. Сидевшая рядом с ним Лазарева хихикнула, но тут же, взяв себя в руки, прошипела:

– Идиот!

Светка всегда так: сначала морщится, правильную строит, а позже заливается громче всех. Когда мы Ньюфу в шкафу закрыли, хохотала как ненормальная. Он просидел там полурока, а потом не выдержал – зашевелился. Биологичка услышала – аж позеленела. У нее в этом шкафу скелет стоит. Пластиковый. Я всегда подозревал, что она его побаивается. Даже когда строение человека проходили, не доставала – все по картинкам рассказывала. И тут вдруг бедняга Йорик напомнил о себе, попросился на волю.

Нинасанна вытянулась на стуле, как суслик перед норой, обхватила руками морщинистую шею и уставилась на подрагивающие створки шкафа. Услышала тихий стук, (видимо, Ньюфе надоело сидеть взаперти), громко икнула и затряслась. Собралась упасть в обморок.

Класс сполз под парты, корчась от смеха. Ньюфу-то на перемене при всех засовывали в шкаф, так что народ был в курсе, что за «восставший из ада» там скребется.

Я решил спектакль не затягивать. Кивнул Лёне с Дроном, мол, пора. Они повернули ключ, распахнули дверцы, и Ньюфа рухнул в проход между партами. Даже не рухнул – стек киселем. Скрючился на полу и захныкал. Как баба! Он тоже боялся скелета.

– Нефедов! – завизжала биологичка. – Вон из класса. Иди над родителями издевайся!

Наивная женщина! Решила, что Ньюфа сам в шкаф залез – типа пошутить. Таким как она кажется, если кто-то рядом смеется, то смеется над ней.

На этот раз представление обещало быть не столь отвязным, зато более продолжительным. Ньюфа закончил доклад по творчеству Есенина, вяло улыбнулся и сел за свою парту. Поерзал на сиденье, но ничего не заметил. Да с такой задницей разве заметишь? Нет, Ньюфа не толстый – скорее рыхлый. Щеки висят, нос блестит, пальцы – белые сосиски, всегда липкие и холодные. Челка, как у Гитлера, спадает на лоб сальными прядями. Одним словом, ботан. Только учится так себе.

Звонок разразился сиплой трелью, и класс начал вставать из-за парт. Ньюфа, отключив пятую точку, полез в рюкзак. Сзади захихикали – заметили. Он затравленно обернулся. Пошарил пухлой рукой за спиной, проверил, не приклеил ли кто записку вроде «Меня любит физрук». Снова оглянулся, но народ успел сделать серьезные лица.

Ньюфа шел по школьному коридору, а в затылок ему ухмылялся зоопарк нашей французской гимназии. От первоклашек до учителей. Сзади, на штанах ботаника, маячил след от разлитого Дроном подсолнечного масла. Наверное, Ньюфа, как все студни, таскал под брюками толстые подштанники, поэтому ничего подозрительного не почувствовал.

– Эй, Миш! – Лазарева приняла позу фотомодели и поманила его пальцем. Я видел, как у Ньюфы дрогнули плечи. Он был в нее слегка влюблен. А, может, и не слегка. Стихи ей писал – Светка мне показывала – по-французски.

– Ты какими подгузниками пользуешься?

Ньюфа застыл. Улыбка никак не желала сползать с его пухлых губ.

– Что?

– Какими подгузниками, спрашиваю, пользуешься? – Светка добавила децибелов, и коридор вмиг наполнился не сдерживаемым больше смехом.

– Я не...

– Купи другие. Эти протекают! Сочувствую. Жить с энурезом непросто.

Несколько секунд Ньюфа стоял неподвижно, потом резко развернулся и пролетел мимо меня, обдав запахом пота и жареных семечек. К его чести, надо сказать, он не стал при всех разглядывать свои брюки – сразу помчался в туалет. Ему повезло – следующим уроком была физкультура. Он натянул спортивные штаны и ходил в них весь день, вызывая замечания учителей и насмешки одноклассников.

Правда, нам уже было не до него. Физрук объявил, что всех пацанов на следующей неделе отправляют на военный слет: будем ползать на брюхе и копать траншеи на скорость. С одной стороны, перспектива так себе, с другой – три дня свободы от уроков. Эта новость заставила нас на время забыть о Ньюфе.

* * *

Я не хотел ехать на слет. Но физрук ткнул пальцем мне в грудь и дыхнул перегаром:

– Едешь, ботаник! Оценка по физкультуре пока еще идет в аттестат. Понял?

Конечно, понял. Чего тут не понять? Я снова попал в коридор. Как лабораторная крыса. Бегу, а за спиной падают заслонки из оргстекла, отрезая путь назад. Впереди взведенная крысоловка. Один удар, и нет мальчика. Але! А был ли мальчик? Лапы стегают удары тока – останавливаться нельзя. И я бегу. Ничего, три дня – это совсем немного. Нужно только пережить.

Нас привезли в детский лагерь. Кирпичные двухэтажные корпуса, в которых на зиму отключали отопление, выглядели уныло. В пропитанных осенней сыростью палатах пахло подвалом и гнилыми яблоками. Прапорщик, похожий на богомола, выдал каждому поношенный камуфляж. Велел к вечернему разводу переодеться.

Штаны, конечно, оказались мне малы. Обтянули ляжки как женские лосины.

– Да-а, Ньюфа, с задницей тебе повезло! – хмыкнул Мороз, проплывая мимо со своей свитой – долговязым Дроном и Леней, похожим на приземистую табуретку.

На Сане Морозове пятнистые штаны смотрелись как родные. Наверное, так и было. Он вполне мог купить их заранее – внешний вид занимал в его системе ценностей едва ли не главное место.

Мороз был живым доказательством того, что все гороскопы не стоят и яблочного огрызка. Мы родились с ним в один день – восьмого сентября. То есть, по идее, должны были отличаться друг от друга не больше, чем два яйца из одного контейнера, но на самом деле в гимназии сложно найти двух более непохожих людей. Он – звезда. Лидер. Такого забрось с парой десятков человек на необитаемый остров – обязательно станет вожаком. Высокий, красивый. Саня играет на гитаре и поет про вечную любовь, если рядом есть девчонки. А если нет – про Чечню. Я иногда представляю, как Бог отмеряет каждому человеку талант. Этому – один черпак, этому – два, этому – полкастрюли. Наверняка мы с Морозом шли друг за другом, и ему по ошибке досталась моя порция. Как иначе объяснить, что у Сани есть внешность, слух, способность командовать, а у меня – ничего? Разве только бабский зад!

– Вот это вещь!

Возле грязного окна в коридоре собралась компания, разглядывающая продолговатый предмет. В лагерь согнали старшеклассников из разных школ, но на этом этаже жили только пацаны нашей гимназии.

– Миш, глянь, какая у Мороза фляга! – кровь глухо ударила в виски – я не помнил, чтобы Лёня когда-нибудь прежде обращался ко мне по имени. Это настораживало.

– Трофейная, – снисходительно бросил Мороз. – Прадед подарил. Он ее из Германии после войны привез.

Я покрутил слегка помятый сосуд и вернул его хозяину.

– Клевая! – попытался найти подвох. – Дорого стоит?

– При чем здесь деньги? – Саня виртуозно сыграл возмущение. – Я же ее не продаю! Это память!

Он умел говорить о значительных вещах, не вызывая чувства неловкости. Еще один талант в его и без того полной копилке. Мороз рассказывал о подвиге советских солдат в битве под Сталинградом, и класс впадал в транс, подобно бандерлогам под шепот Каа. Он читал доклад о расстреле Гумилева, и девчонки запрокидывали головы, чтобы не выпустить из глаз ручейки слез.

– Ньюфа, ты знаешь, что такое Память?

– Знает. Это когда пожрать не забыл!

Одноклассники радостно загоготали. Неприятно, но не страшно. Если ничего хуже не случится, три дня пролетят без особых приключений.

Мне так хотелось в это верить, что я ни разу не упал в октябрьскую грязь во время вечерней эстафеты. Даже подтянулся четыре раза. До нормы, конечно, не хватило, но Мороз без особых усилий подтянулся двадцать пять раз, и в общем зачете наша команда заняла второе место. Из восемнадцати.

После ужина – кислого картофельного пюре с куском ватной рыбы – я пошел не в корпус, а за территорию лагеря. Там, в паре метров от металлической сетки рос толстый дуб. Если встать на цыпочки и поднять руки, то можно достать до нижнего края дупла. Идеально круглое, оно казалось нарочно выпиленным в грубой коре старого дерева.

Я обхватил ствол руками, поставил ногу на едва выпирающий сук, подтянулся и заглянул в черный провал. Вдохнул пряный запах древесного нутра. На мгновение мне показалось, что в темноте блеснули чьи-то глаза. Белка или бурундук? А может, лесной дух? Я оттолкнулся от дерева и приземлился на хрустящий ковер опавших листьев. Прильнул ухом

к морщинистой коре. Старый дуб отозвался торопливым шуршанием в глубине скрипучего ствола. Наверняка там кто-то был – прятал свои запасы, устраиваясь на зимовку.

А вдруг не прятал и не собирался зимовать? Что если дупла в таких вот толстых дубах – это двери в другой мир, и через них к нам попадают гномы, лепреконы, феи, пикси? Наверное, раньше на земле встречалось много гигантских деревьев, сквозь отверстия в которых спокойно проходили великаны и драконы. Потом растительность на планете измельчала, и однажды настал день, когда исчез последний большой дуб. Еще несколько десятилетий в разных уголках мира доживали свой век крылатые ящеры и существа ростом с пятиэтажный дом, но постепенно все они переселились в легенды. Только маленький народец изредка заглядывает в наши леса. По старой памяти.

Может, прямо сейчас внутри дерева притаился человечек в зеленом колпаке. Ждет, когда я уйду, чтобы сесть на край дупла и, свесив короткие ножки, раскурить вересковую трубку. Ну же, давай, лепрекон, покажись! Здесь никого нет. Совсем никого.

Ответ пришел мгновенно, как боевое заклинание. Я почувствовал резкий удар по макушке, и в листву у ног шлепнулся желудь – ярко-желтый переросток, раза в два больше любого из своих собратьев. Возможно, прямой потомок желудей, росших миллионы лет назад на прадубах.

Сунув гладкий плод в карман, я побрел к лагерю. Лепрекон так и не появился. Видимо, я показался ему неинтересным собеседником.

* * *

Они ждали меня в палате. Сидели, по-хозяйски развалившись на кроватях, и громко ржали. Могу поспорить, ржали надо мной. Как только я вошел, Мороз встал. Следом поднялись еще пять человек из нашего класса. Я почувствовал неладное. Ноги налились тяжестью, превращаясь в неповоротливые бревна.

– Ты где был? – с нарочитым дружелюбием спросил Саня.

– Гулял.

– Да ну! – Дрон изобразил удивление.

– Что вам нужно?

– Ты мою флягу трофейную не брал?

– Лучше спроси, куда он ее припрятал? – Леня лениво почесал конопатую картофелину, служившую ему носом.

– Зачем она мне?

– Не знаю. Может, молоко в нее собрался наливать, чтобы под партой посасывать.

Снова гогот. Я знал, в такие моменты не нужно ничего доказывать. Лучше молчать. Молчать и ждать, когда им надоест. Можно таблицу умножения про себя повторять или стихотворение вспоминать. Есенина, например: «Друг мой, друг мой, я очень и очень болен. Сам не знаю, откуда взялась эта боль.

То ли ветер свистит над пустым и безлюдным полем...»

– Короче, где твои вещи?

– Что?

– Сумка где? Шмон у нас – ищем, кто флягу стибрил! – заорал мне в ухо Дрон.

Он играл в следователя. Судя по всему, злого.

– Под кроватью.

Леня, словно нехотя, подцепил ногой мою сумку и вытащил на свет. Расстегнул молнию. Уверенно засунул свои красные руки, покрытые рыжеватыми волосками, в ворох одежды. Небрежно он стал вынимать мои вещи, беря их двумя пальцами и швыряя прямо на

пол. Я отвернулся. «Черный человек водит пальцем по мерзкой книге и, гнусавя надо мной, как над усопшим монахом, читает мне жизнь какого-то прохвоста и забулдыги.»

– Блин, Ньюфа, что за тряпье ты носишь! – Мороз презрительно тронул тяжелым ботинком разметавшую рукава клетчатую рубаху. – В магазине для пенсионеров затариваешься?

Ничего-ничего, осталось совсем немного. Сейчас они уйдут. Убедятся, что у меня нет фляги, и уйдут. «Черный человек глядит на меня в упор. И глаза покрываются голубой блевотой, словно хочет сказать мне, что я жулик и вор, так бесстыдно и нагло обокравший кого-то.»

– Есть! – Леня победно поднял над головой знакомую посудину. – Говоришь, не брал, придурок?

– Как она туда попала? – поиски фляги все еще казались мне безобидной игрой.

В палату как по команде начал подтягиваться народ из нашей гимназии. Спину лупили вопросы: «У кого нашли?», «У Ньюфы? Да ладно!», «Он что, обкурился?» Голоса сливались в возбужденный гул, наполняя холодное помещение тревожной какофонией. Происходящее все сильнее смахивало на театр абсурда.

– А ты, Ньюфа, оказывается, не только тюфяк, а еще и вор! – Мороз сверкнул глазами и ткнул пальцем мне в грудь. Прямо как физрук накануне. – А что нужно делать с вором?

– Судить! – стройным хором откликнулись зрители.

– Пошли за территорию! – тут же предложил Дрон. – Там разберемся.

Я не сопротивлялся. В этом не было смысла – сопротивление только подхлестнет их. Нужно потерпеть, пока они наиграются. Уйти в себя и вернуться, когда все закончится. «Где-то плачет ночная зловещая птица. Деревянные всадники сеют копытливый стук. Вот опять этот черный на кресло мое садится, приподняв свой цилиндр и откинув небрежно сюртук.»

Меня привели к дубу. Тому самому. В нахлынувших из леса сумерках дупло казалось черным зрачком, который настороженно разглядывал окруженную колючим малинником поляну. Перед деревом полукругом замерли мои конвоиры. Их лица, подсвеченные тусклым небом, выглядели совсем белыми.

Я оказался прижатым спиной к стволу. Рядом встал Мороз.

– Ну что, Ньюфа, признаешь свою вину?

– Не брал я твоей фляги! – слова потонули в оглушительном стуке. Только через пару секунд до меня дошло, что это стучат мои зубы.

– Конечно, не брал! Ты ее спер! – его голос звучал с нарастающей громкостью. – Ты – вор, Ньюфа! Обычный вор! А вор должен быть наказан! Понял? Наказан! Ну, мужики, что мы с ним сделаем?

Из толпы послышались глумливые предложения:

– Рукуотрежем!

– Правую!

К горлу подступил жирный ком. Желудок судорожно дернулся, собираясь освободиться от остатков ужина.

– Повесить его!

– Повесить? Хорошая идея! – Саня поднял указательный палец. Он наслаждался ролью обвинителя. – Голосуем! Кто за то, чтобы отрубить Ньюфе правую руку? Пятеро. Кто за то, чтобы повесить? Большинство! Давай, Дрон, готовь веревку.

С этого мгновения лес за спиной, дуб, поляна, малинник с остатками осветленных осенью листьев, лагерная ограда погрузились в мутный кисель. Движения стали медленными, звуки – смазанными. Я попробовал вырваться из этой трясины, но ноги и руки не реагировали, они казались взятыми взаймы у тряпичной куклы и наскоро пришитыми к моему телу.

Плечо ощутило легкий удар. Очень медленно я повернул голову и увидел веревку – неправдоподобно белую в темно-серых сумерках. Дрон привязывал ее к толстой ветке дуба, росшей чуть выше дупла. Кто-то заботливо поставил передо мной дощатый ящик.

– Вставай!-Мороз выдержал драматичную паузу. – Голову в петлю!

Время наконец-то вырвалось из трясины и понеслось с утроенной скоростью. Меня подняли на хлипкий ящик, стянули скотчем за спиной руки и надели на шею веревку. Бледные лица зрителей исказились в кривых ухмылках.

Они ждали.

Ждали моей казни.

Игра закончилась.

– Вы что?! Не надо! Это не я...-голос сорвался на писк. Тонкие доски подо мной заходили ходуном. – Отпустите! Это не я! Слышите, не я!

– Проснулся, тюфяк! Давай, Дрон, убирай ящик,-заорал Саня Мороз.

Почему-то в тот момент я видел только зубы. Красивые ровные зубы. Они мерцали в полутьме, как фарфоровый плафон на бабушкиной кухне, когда ее не освещает ничего, кроме уличного фонаря за окном. В голове мелькнула неуместная мысль: «Интересно, Лазраевой нравятся его зубы?»

А потом я умер.

* * *

– Чего встал? Ящик тащи!

Дрон медлил, грозя сорвать развязку спектакля. Он переминался с ноги на ногу, косясь на дрожащего ботаника с петлей на шее. Как ни странно, Ньюфа замолчал, и это меня бесило. Я чувствовал, стоит чуть поднажать, и тюфяк снова завоет, умоляя отпустить его к мамочке, или обмочится в тесные штаны. Но он молчал.

Леня с Дроном тоже не издавали ни звука. Первый, привалившись боком к дереву, изучал выданные ему ботинки, второй нервно приглаживал пятерней жидкие волосы. Пауза затягивалась. Я начал тихо звереть.

– Вы что, уснули? Шевелитесь!

– Это. ну. – Дрон глянул на меня исподлобья. – Мы же не отморозки какие-нибудь.

– Что?!

– Слушай, Мороз, пошутили, и хватит! – буркнул Леня. – Ньюфа и так в штаны от страха наложил.

– А может, я сам буду решать, когда хватит, а когда нет? – реакция парней застала меня врасплох. Не то что бы собрался прикончить Ньюфу, просто привык всегда добиваться результата. Если шлепнул девчонку по заднице, а она не подняла крик, чувствуешь себя полным идиотом. Так же и с Ньюфой. Какой смысл раскрывать карты, если жертва розыгрыша молчит? Ну или изредка поскуливает: «Это не я»? Дрону было достаточно потянуть за ящик, чтобы ботаник сдался, но, похоже, кишка у моих друзей оказалась тонка.

– Не хотите помогать, тогда я сам с ним разберусь! – отступить было поздно.

– Мороз, ты серьезно? – подали голос из партера.

– Кончайте, мужики!

– Уймись, Саня! Тебя же посадят!

Кто-то схватил меня за локоть. Я открыл рот, чтобы объяснить, куда ему нужно идти, но в этот момент сухой треск заставил всех повернуться к Ньюфе. Сначала мне показалось, что он отплясывает нелепые па, стоя на ящике, но уже в следующую секунду я понял: доски под грузным Ньюфой не выдержали. Треснули. И сейчас он извивается на натянутой веревке в паре десятков сантиметров над землей.

Первым очнулся Леня. Рванул к ботанику, обхватил его тушу руками и потянул вверх, ослабляя веревку.

– Режьте! – натужено выдавил он. – Дрон! Скорее!

На мгновение их заслонили от меня спины парней, а когда я смог прорваться в центр тесного круга, Ньюфа уже лежал на земле. Лежал и бессмысленно таращился в угасающее небо. В широко открытых глазах отражалась ветка, на которой все еще болтался огрызок веревки. Корявый силуэт импровизированной виселицы казался трещиной, пересекавшей сетчатку глаз неподвижного Ньюфы. Мне вдруг почудилось, что я смотрю в лицо мертвеца.

Неожиданно пришел страх. Наполнил легкие, сдавил горло, накрыл душным колпаком. Я увидел себя в зале суда. Не в том стильном помещении, что показывают в телешоу, а в обшарпанном сарае с подтеками на стенах. Наш класс как-то раз приводили в такой во время экскурсии по судам. Я увидел в первом ряду мать с красными ободками вокруг глаз, отца, в кои-то веки оторвавшегося от совещаний и деловых встреч, раскрасневшуюся Светку Лазареву, растерянную классную. И еще двух незнакомых людей, ищущих моего взгляда в попытке обнаружить в нем то ли отчаяние, то ли раскаяние. Это были родители Ньюфы.

– Мужики, водка есть? Давай сюда! – Леня принял из чьих-то рук наполовину пустую бутылку, плеснул в ладонь ее содержимое и начал зачем-то растирать шею ботаника. Потом приложил горлышко к неподвижным губам и осторожно подпустил к ним прозрачную жидкость. Лицо Ньюфы дрогнуло, сморщилось, он резко сел и зашелся в сухом кашле.

– Жить будет! – сделал вывод Дрон.

Страх отступил, но облегчения я так и не дождался. Ничего не случилось – Ньюфа жив. Сейчас он напьется, проспится и завтра будет как новенький. Отчего же где-то в районе солнечного сплетения пульсирует черная дыра? Почему руки покрылись холодным потом, а каждый вздох отзывается тупой болью?

– Вставай, Миш! Мы пошутили! Сами флягу тебе подкинули! – слова метались над поляной ошметками эха в пустом актовом зале. – Вставай, в лагерь пора! Скоро отбой!

Ньюфу подхватили под локти и потащили к ближайшей дыре в ограде. Мимо протопали Дрон с Леней, стараясь не встречаться со мной взглядом. Я развернулся и зашагал в противоположную от лагеря сторону.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем перед глазами дорожным знаком не возник вопрос: «Куда я иду?» Он застал меня посреди изрытой временем и непогодой заасфальтированной дороги. Справа бесконечным строем тянулись впавшие в зимнюю спячку лагеря, слева темной стеной наступал лес. Отсюда до города километров двадцать, не меньше. До автобусной остановки полтора часа ходу быстрым шагом, но первые маршрутки появятся не раньше шести утра. Ночевать в лесу не хотелось. Впервые в жизни мною завладел детский страх перед темнотой.

Постояв с минуту, я развернулся и почти побежал назад, в лагерь. Лес, оказавшийся теперь по правую руку, похоже, только и ждал, когда меня накроет паника. Зловещее молчание неподвижных деревьев сменилось тревожными шорохами, стонами старых сосен, предсмертными воплями мелких зверьков, попавших в лапы хищников, сотнями непонятных и оттого жутких звуков.

Я резко остановился. Страх требовал бежать дальше, но я запретил себе его слушать. Я никогда и ничего не боялся. Всегда первым прыгал в бассейн с вышки и на спор ходил на руках по краю крыши девятиэтажного дома. Почему же сейчас, словно хилый очкарик, бегу от леса и приведений? Что со мной случилось? Там, на поляне, под старым дубом?

Ответ заставил согнуться пополам и опуститься на колени в схваченную ночными заморозками грязь: «Там, на поляне, я убил человека». Да, я не толкал ящик и даже не надевал петлю на его шею, и все же он умер.

Умер из-за меня!

«Он НЕ умер!» – возразил здравый смысл, но вопреки его подсказкам я чувствовал себя убийцей. Пустые глаза Ньюфы, пересеченные неровной трещиной отражения, не могли обмануть: на холодной земле лежал мертвец. Теплый, живой мертвец.

Мое внимание привлек странный звук. Он пробился в сознание навязчивым зудом и постепенно превратился в плотный кокон, отгородивший меня от враждебной темноты. Этим звуком оказался мой собственный голос. Я сидел, скрючившись посреди дороги, и скулил. Протяжно и монотонно.

* * *

Из-за двери нашей палаты доносился приглушенный разговор, но стоило мне войти, как над кроватями повисла тишина. Дрон с Леней старательно притворялись спящими. Я не стал их дергать – разделся, залез под одеяло, отвернулся к стене и почти сразу уснул.

А когда проснулся, в комнате, кроме меня, никого не было. Заправленные кровати заставили взглянуть на часы. Черт! Время подъема давно прошло, так же как и утренней зарядки. Сейчас весь народ завтракает в холодной столовой.

Через пять минут я вошел в длинный зал, пропахший хозяйственным мылом и рассольником. Наш класс поглощал манную кашу в самом дальнем углу, у окна. Я обратил внимание, что Ньюфа сидит за одним столом с Леней и Дроном. Увидев меня, они неловко кивнули. Ботаник продолжал рассеянно разглядывать что-то за искажавшим внешний мир волнистым стеклом окна. Я не стал подходить к этой троице, сел за свободный стол и погрузил ложку в остывшую кашу.

Начался самый странный день в моей жизни. Руки не слушались. Голос подводил, срываясь на петушинный дискант. Осенняя грязь то и дело выдергивала из-под ног беговую дорожку, а нудный дождь сделал все турники скользкими, будто смазав их машинным маслом. Класс смотрел на меня с холодным недоумением. Наша команда во время всех забегов не поднималась выше десятого места.

Я чувствовал, как вокруг возникает зона отчуждения. Нет, никто не объявлял мне бойкот и не напоминал о вчерашних событиях, но неловкая тишина повисала всякий раз, когда я приближался к курящей за корпусом компании или заглядывал в палату в разгар общего веселья. Мне не требовались подсказки, чтобы понять причину такого отчуждения. Просто каждый из них чувствовал: рядом находится убийца. Человек, способный выдернуть ящик из-под ног пацана с петлей на шее. Сказав «тащи ящик», я прошел «точку невозврата». Как самолет, уходя в штопор. Как киллер, нажимая на курок. Как девушка, сообщая своему парню об измене. Уже ничего нельзя исправить – убийство состоялось. Возвращение невозможно.

Удивительнее всего оказались метаморфозы, произошедшие с Ньюфой. Еще вчера он словно провоцировал своим нелепым видом едкие замечания, а сегодня у любого остряка его отрешенный взгляд отбивал всякие потуги на юмор. Впрочем, в роли остряков теперь выступали только чужаки. Все, кто тогда находился на поляне, как будто сговорились создать Ньюфе надежный тыл.

– Эй, француз толстозадый, вали отсюда! – надела на Ньюфу после обеда пара незнакомых парней. Они присмотрели занятую им одну из немногих сухих скамеек. – Давай, чеши! И жопу не забудь!

Я стоял слишком далеко, чтобы расслышать его ответ, но мне было прекрасно видно, как сникли пацаны, опустили плечи и начали озираться в поисках пути к отступлению.

– Кончайте базар, мужики. Место занято! – за их спинами материализовался Дрон с тремя одноклассниками. Они неспеша уселись на скамейку, показывая, что пришлым здесь делать нечего. Я не стал досматривать трогательную сцену «один за всех – и все за одного».

Побрел в корпус, по дороге размышляя над мотивами новоявленных робин гудов. Неужели хотят заглазить вину перед Ньюфой? Вряд ли.

Понимание пришло под вечер, когда я случайно за ужином встретился с ним взглядом. С круглого лица Ньюфы на меня равнодушно смотрели глаза незнакомца. Я не ошибся: тот ботаник, который почти десять лет ходил со мной в один класс, умер вчера в петле, и сейчас в его теле сидело чужое существо, инопланетный червь. Он снисходительно ухмылялся похабным шуткам за столом, с аппетитом уплетал скользкие макароны и быстро учился жить в человеческой оболочке. Этому червяку удалось то, что никогда не получалось у Мишки Нефедова – он сразу занял теплое местечко в школьной иерархии. Превратился из изгоя в полноправного члена группы.

Стал своим.

* * *

Последнюю ночь в лагере я долго не мог уснуть. Ворочался на певучей кровати, пытаюсь вписаться в бугристый ландшафт продавленной сетки. Меня терзали обрывки мыслей и снов, неприятных, как воспоминания о первом неудачном сексе. Наконец, я встал и поплелся в туалет. Умываться.

Там, в мире бежевого кафеля и эмалированных раковин водопроводные краны выступивали монотонную мелодию. В наполовину закрашенное зеленой краской окно заглядывал бледный рассвет.

Я плеснул в лицо холодной водой и уставился на свое отражение в зеркале над умывальником. Карие глаза, как у отца, короткий нос с резко очерченными ноздрями, широкие брови, сросшиеся на переносице – знакомое и одновременно чужое лицо. Может, я тоже умер? Там, под дубом? И сейчас мое отражение изучает кто-то другой, забравший себе тело и память Сани Морозова?

Чтобы закрыть кран, я ненадолго отвел глаза от зеркала. А когда посмотрел вновь, вскрикнул, увидев лицо Ньюфы.

Он стоял у меня за спиной. Улыбался.

Я развернулся и одним движением прижал его мягкую шею к стене. Мои руки подрагивали, на глаза набегала бурая пелена.

– Хочешь повторить? – голос Ньюфы был спокойным. – Давай. Только это ничего не изменит. Ты же знаешь.

Да, я знал. Знал хотя бы потому, что в его глазах не было страха. Тот, кто однажды умирал, не боится сделать это вновь. Ему больше нечего терять – все ценное уже потеряно.

Я перевел взгляд на свои руки. Под пальцами пульсировала фиолетовая полоса. Кроваподтек от веревки. Его вид вызвал острое отвращение.

Нет, не к Ньюфе.

К себе.

А следом пришло понимание: это чувство не оставит меня – будет преследовать всю жизнь. Накатившая тоска свернулась тугим кольцом и сдавила шею. Ловя ртом воздух, я подумал о том, что смерть, в сущности, не самая страшная штука.

* * *

Я не пошел на его похороны. С неба, несмотря на декабрь, падала мокрая гадость, и возле только что выкопанной ямы, наверное, сейчас было очень скверно. К тому же Мороз вряд ли бы обрадовался моему появлению на кладбище – весь минувший месяц он старался

держаться от меня как можно дальше. Конечно, насколько это возможно, когда учишься в одном классе.

Нет, я ни на грамм не верил, что причина его самоубийства – чувство вины из-за той истории в лагере. Просто Саня, привыкший к всеобщему обожанию, так и не смог смириться с падением своей популярности. Ему, словно доза нарику, требовалось признание себя небесным светилом, пупом земли и императором Вселенной, а тут такой облом...

– Мишечка, приветик! – из-за продуктового магазина, неожиданная, как приступ диареи, появилась Лазарева. – А ты разве на кладбище не идешь? – Кажется, Светка считала похороны чем-то вроде светской вечеринки.

– Нет. К химии нужно готовиться.

– Ой, а можно с тобой? – Лазарева подобралась ко мне почти вплотную и теперь игриво теребила замок от молнии на моей куртке.

– Свет, я же сказал: «го-то-вить-ся к хи-ми-и». Отдыхай, детка!

– Фу, зануда! – она чмокнула меня в щеку и побежала в сторону гимназии, кокетливо переступая через лужи.

Еще месяц назад я бы расстался с почкой ради такого пустячного поцелуя, теперь мне было все равно. Не последняя метелка в моей жизни. Спасибо Морозу. Если бы не весь этот спектакль с флягой, я бы так и остался затравленным ботаником. Сам не зная того, Саня провел удачную операцию по удалению балласта.

Он убил во мне Ньюфу.

Ньюфу, который краснел по поводу и без, боялся обматерить хама и получить в челюсть. Когда нечего терять, страх не имеет смысла. Человек, лишенный страха, так же заметен в толпе, как матерый кобель в стае щенков. Они поджимают хвосты и льнут к нему, признавая за главного. Суки – такие же. Им плевать на размер кошелька, их, будто скрепку магнит, притягивает сила. Тупая, холодная сила.

Да, стоило бы напоследок сказать Сане «спасибо» за полезную ампутацию. Вот только иногда, хотя и редко, мне кажется, что вместе с размазней-Ньюфой я лишился еще чего-то.

Чего-то очень важного.

С проспекта подул колючий ветер. Похоже, зиме осточертел дождь, и она вспомнила о своих обязанностях. Я засунул руки в карманы куртки в безнадежной попытке согреться. Пальцы нащупали странный предмет, застрявший за подкладкой. Повозившись немного, я извлек через дырку в правом кармане желудь. Большой. Желтый. Похожий на продолговатую дыню в миниатюре.

Его вид отозвался неясным воспоминанием. Оно шевельнулось придушенной крысой на задворках сознания и тут же исчезло. Я подержал зародыш дуба в руке, а потом размахнулся и швырнул его в ближайшую урну.

Таня Беринг Мой ласковый и нежный Тролль

Аарон

– Ребята, в этом году к нам в класс пришли два новых человека: Варвара Снежина и Аарон Фишер. Варвара училась в одной из школ спального района, по-моему, в Щербинке, а Аарон приехал из Англии. В каком городе ты жил, Аарон? – Маргарита Валерьевна кокетливо улыбнулась белокурому юноше с первой парты.

– В Лондоне, – ответил Аарон с лёгким акцентом.

При этом он даже не привстал. Наверное, так было принято в его прежней школе.

– Ты расскажешь нам о быте англичан? Было бы очень интересно узнать, как и чем живут ваши английские сверстники.

Парень утвердительно тряхнул длинными кудрями:

– Да, Маргарита Валерьевна. Только нам нужно будет обсудить с вами кое-какие детали. Набросать план. После уроков.

– Мне нравится твой подход! С удовольствием, – игриво ответила Марго.

Так её звали между собой ученики. Марго было двадцать шесть.

Варвара Снежина Из Спального Района поступила в десятый биологический класс этой престижной, согласно рейтингам, школы по результатам тестирования, набрав сто баллов из ста. А Аарон Фишер просто потому, что так решил его папа.

Аарон Фишер – парень из девичьих грёз. Высокий. С фигурой пловца. Яркие голубые глаза. Красивый рот. Белокурые вьющиеся волосы. И ни капли неопрятности.

Смайлик перехватил восхищённый взгляд Эльки на Аарона и оскалился. Плохой знак!

Марго села на парту. Она всегда так делала. Её белая блузка с глубоким декольте открывала глазам подростков две восхитительные полусферы. На шее, на чёрной бархатной ленте, висела крупная каплевидная жемчужина. Длинные акриловые ногти учительницы украшали блёстки, а пальцы были унизаны кольцами. На запястьях красовались дорогие часы и браслеты из белого золота.

Варвара Снежина Из Спального Района не сводила с классной глаз. Она привыкла видеть других учителей. Скромно одетых, заезженных бытом, вечно недовольных мужьями, детьми, реформами, правительством, и образ Маргариты Валерьевны никак не увязывался в её сознании с теми, другими. В этом пазле явно не хватало каких-то деталек.

– Ну, как вам моя идея? – Маргарита Валерьевна считала себя суперсовременной учительницей, и в то время как другие классы умирали от скуки в Пушкинском музее, она водила своих ребят на рок-концерты. – Собираем на билеты по две тысячи рублей. И вот ещё что. Вам надо поговорить с родителями о необходимости установки кулера в нашем классе. Подростки должны много пить в течение дня. Это полезно для вашего здоровья. В школе один кулер на этаж, и на всех воды не хватает. Родительское собрание будет на следующей неделе. Подготовьте их, пожалуйста! О'кей?

А потом прозвенел звонок.

Варвара Снежина из Спального Района

– Эй! Варя!

Девушка обернулась.

У неё была феноменальная память на лица. К ней подошёл парень из её нового класса. Он сидел один на задней парте у окна.

– На! Он выпал у тебя из кармана!

«Вот разиня, – расстроилась Варя, – чуть чехол не потеряла. Я бы этого не пережила!» Красный чехол с надписью «Hello Kitty» родители привезли ей в подарок из Парижа. Они выиграли приз – поездку в Диснейленд, отправив куда-то нужное количество наклеек от детского питания Антошки, её младшего братца. Боже, сколько было визга, когда им позвонил менеджер и пригласил приехать за путёвками. Для их семьи это было настоящим чудом!

Раньше, когда мама Вари делала карьеру на телевидении, денег в семье было достаточно, но Антошка изменил её с удьбу. Гемофилия – болезнь цесаревича Алексея. Правда, радости эта причастность к голубым кровям не приносила нисколько.

– Спасибо, – Варька взяла чехол и вложила в него свой дешёвенький телефончик.

– Ух ты! – одноклассник искренне удивился. – Раритетная моделька!

– Ну да! – согласилась Варька. – Сопрут – не жалко! – и вдруг неожиданно для себя соврала, – а дома у меня – айфон!

Он понимающе кивнул.

– Кстати, я – Вовчик. Ты к метро?

– Ага.

– Я тоже. У нас, кроме меня, никто на метро не ездит. За всеми приезжают водители. А мне нравится метро. Полчаса – и ты дома. Никаких пробок.

Лицо Вовчика, полное и прыщавое, обрамляли длинные сальные волосы. Тяжёлые веки прикрывали узкие, слегка раскосые глаза, и от этого было трудно определить, какого они цвета. Разглядывать их Варьке было неловко, и она посмотрела на ботинки своего нового знакомого. Вот уж точно – зеркало души! Ботинки Вовчика были изящными, что указывало на хороший вкус его мамы, но жуть какими грязными. Ведь их хозяин шагал, не разбирая дороги, шлёпая по мелким лужам и припечатывая к асфальту пыль и грязь.

– Чем ты занимаешься? – спросила Варя.

– В смысле?

– Что делаешь после школы?

– Играю в комп.

– Правда? – искренне удивилась Варя. – А я думала, что в нашем возрасте это уже не модно.

– Смешная шутка! – глупо хохотнул Вовчик и, не глядя под ноги, наступил на чей-то плевок.

Заметив это, Варька сморщилась.

– Хочешь сказать, что у тебя даже нет хобби? У тебя есть хобби?

– Слушай, чего ты пристала? Я же ответил тебе: мне нравится играть в компьютерные игры! Ты что – того? – Вовчик покрутил пальцем у виска. – Не понимаешь с первого раза?

– Понимаю, – опешила Варя от его неожиданной агрессии.

– Не похоже!

– Я просто спросила! Ты чего завёлся?

– Да ну тебя! Отвянь!

И он резко прибавил шаг. Варя смутилась.

«Сам дурак! – подумала она, глядя в спину Вовчика. – Что я опять не так сказала?»

Ещё по прежней школе Варька поняла: общение со сверстниками не её конёк. Даже в соцсетях и чатах она чувствовала себя неуютно. Другое дело – Школа искусств. Там у Вари было полно друзей. Как только Варе исполнилось четыре года, мама записала её сразу на три отделения: хореографическое, художественно-эстетическое и инструментальное. Теперь это нереально. Учиться на бюджетные деньги можно только на одном отделении, а за остальные надо платить.

– Ничего не понимаю! – каждый раз сокрушалась бабушка Катя. – Вроде как денег у государства стало больше, а на детей не хватает!

И Варька, затаив дыхание, слушала её рассказы о сказочном прошлом, когда все учились и лечились бесплатно, ходили друг к другу в гости, а дети дотемна гуляли во дворе, не боясь, что их похитят или убьют плохие дядьки.

– Слава Богу, что ты успела окончить музыкальную школу, а не то бы нам тяжело было всё это тянуть.

Варя, действительно, успела окончить музыкалку, но вот между живописью и хореографией ей пришлось выбирать. Жизнь без танцев она не представляла, хотя хорошо понимала, что карьера профессиональной балерины ей не светит – для этого были нужны другие родители. Платить десятку в месяц за её обучение в училище папа и мама никогда бы не смогли.

«Интересно, почему те, кому везёт, у чьих родителей есть и деньги, и связи, сами ничего не хотят?» – часто спрашивала себя Варька, наблюдая за своими обеспеченными одноклассниками, и не находила ответа на этот вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.